

Всероссийская олимпиада по литературе 2023/2024 гг.
Муниципальный этап 2023 г.
10 класс

Максимальный общий балл за работу – 100 баллов
Время выполнения: 240 минут

Задание № 1

(Максимальное кол-во баллов – 70)

Выполните целостный анализ произведения, предложенного на ваш выбор (**прозаического ИЛИ поэтического**). Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст, раскрывающий основные особенности построения и содержания предлагаемого для анализа произведения (**прозаического ИЛИ поэтического**).

1) Прозаический текст

В. Катаев

МУЗЫКА

Иринка – существо маленькое, капризное, требующее к себе особенного внимания, а главное, еще не научившееся быстро ходить. Мама отлично знает, что если увяжется Иринка, то к пяти часам она не успеет. А в пять – гости. Она говорит мне:

– Милый, вы у нас на даче свой человек, посидите с Иринкой часок, пока я выкупаюсь. Нянька занята на кухне. А я постараюсь вернуться поскорее.

Иринка сидит недалеко от террасы на корточках и усиленно зарывает Сережин карандаш в гравий.

– Ирочка, может быть, ты с дядей посидишь? А? – умоляюще просит мама и нежно гладит ее по пухлой, тоже шоколадной от загара руке.

Вместо ответа Иринка хватается за юбку и начинает топтать ножками. Топает долго. Я чувствую, что наступает время действовать.

– Жаль, жаль, Иринка, что ты уходишь с мамой. А я тут как раз собираюсь рисовать. Вот, думаю, между прочим, нарисовать коровку и лошадку. А? Как ты смотришь на это дело?

– Хочу идти с мамой! – говорит она сердито.

– Иди, иди. Разве я хочу, чтобы ты согласилась? Совсем не хочу! Иди себе, иди! А я тут как раз слоника буду рисовать.

Она долго размышляет.

– А мне можно с тобой порисовать? – ласково и кокетливо спрашивает она, сияя голубыми поплакавшими глазами.

Я чувствую, что хитрости мои удаются.

– Ты, Иринка, маленькая. Тебе еще нельзя рисовать! Иди лучше с мамой купаться.

– Не хочу с мамой! Хочу с тобой рисовать! – говорит она повышенным тоном, и рот у нее становится четырехугольным.

– Ну что ж, если тебе очень хочется рисовать, пожалуй, останься. Хотя лучше шла бы себе с мамой.

Иринка молча снимает со стриженной, мохнатой, будто плюшевой, головы пикейную шляпку и вползает ко мне на колени. Поступок – вполне женский.

Иринкина мама награждает меня очаровательной улыбкой и уходит купаться. Вскоре мы с Иринкой уже рассматриваем большую книгу с картинками. Я медленно переворачиваю толстые страницы и спрашиваю:

– А это кто?

– Коровка, – отвечает Иринка, щуря глаза и улыбаясь от нежности к пестрой коровке в издании Кнебея¹.

– А это?

– Не знаю.

– Как ты не знаешь? Вот еще! А кто мышей ловит?

– Киця? – полувопросительно говорит Иринка.

– Правильно, киця. Или, как принято говорить научно, кошка. А это?

– Онель.

– Как?

– Онель.

– Эх, Иринка, Иринка! Кто же из уважающих себя девиц говорит вместо олень – онель. Ну, повтори: о-л-е-нь.

– О... о... олень, – произносит она с трудом и сияет голубыми щелочками глаз.

Потом она вздыхает.

– А теперь нарисуй... садовника.

– Ладно. Садовника так садовника.

Я беру большой лист бумаги, ставлю X, прибавляю снизу ноги, сверху руки, круглую голову. На каждой руке добросовестно изображаю по пять пальцев, отчего вся рука становится похожей на добрые грабли.

– Вот, получай садовника.

Она иронически щурится.

– А где же у него эти... уши?

– Уши, а не уши. Повтори.

– Ну уши, а не уши. А где?

– Сейчас.

Я пририсовываю уши.

– А где у него нос?

Я пририсовываю нос.

– А где у него на носу... эти?

– Какие «эти»?

– Ну эти... мездри...

– Может быть, ноздри?

– Да, да. Ноздри!

Я рисую ноздри.

– А где леечка, чтобы цветочки поливать?

– Сейчас будет.

Я приделываю к одной грабле лейку.

– А где вода льется? – спрашивает Иринка, делая невероятно большие глаза.

Я рисую воду. Потом приходится рисовать еще и кран, из которого льется вода, и цветочки, и девочку, и куклу, и у куклы такую же точно ниточку кораллов, как у самой Иринки.

Жара. Солнце еще высоко. Сквозь густые листья деревьев лениво тянутся знойные нити, и на гравии под деревьями легко скользят и путаются яркие лиловые пяточки. Клонит ко сну.

– А меня дед не заберет? – вдруг испуганно спрашивает Иринка и прижимается ко мне.

– Какой такой дед?

– А который детей забирает.

– Кто это тебе сказал?

– Нянька.

– Ну, конечно, если ты веришь няньке, то нам с тобой не о чем и толковать. Нянька врет.

– И деда нет?

– Нет.

– И за кустом нет?

– Нет.

– Неправда, есть. Вон за тем кустиком стоит.

– Ладно. Пойдем посмотрим.

– Ой, я боюсь! А он заберет!

– Не бойся, я тебя в обиду не дам.

Я сажаю ее на плечо, крепко обнимаю, чтобы не упала, правой рукой за спину, а левой придерживаю кусты. Там никакого деда нет. Только пестрые, уже порядком подросшие цыплята неуклюже, как маленькие страусы, гоняются на длинных голенастых ногах за воробьями.

– Видишь! Нянька-то надула. Деда нет.

– Надула, – подтверждает Иринка.

Мы возвращаемся на террасу и опять садимся к столу.

– Ты умеешь нарисовать музыку? – спрашивает Иринка.

– Музыку? Не умею.

– А я умею, а я умею! – быстро говорит она и начинает старательно рисовать на бумаге запутанные клубки и комочки. При этом она опять что-то про себя напевает. – Вот, – торжественно говорит она. – Это музыка! А ты не умеешь! Ага! Ты умеешь только рисовать садовника, и девочку, и куколку, а музыку не умеешь! Ага! – И по какой-то странной последовательности, шурясь, говорит: – А нянька врет, что дед забирает детей в мешок. Деда нет.

Но тут слышится скрип калитки и шаги по гравию. Иринка прижимается ко мне, и я слышу, как у нее стучит сердце. Может быть, дед?

Я осторожно разбираю рукой ветки сирени, и мы вместе, Иринка и я, смотрим, кто там идет. Нет, это не дед. Это Иван Алексеевич². Частые кляксы лиственной тени косо и быстро бегут по его полотняной, ладно выглаженной толстовской блузе сверху вниз. На его поскрипывающих и похрустывающих столичных штиблетах желтый порошок цветущего бурьяна. В руках – толстая палка. Бородка приподнята. Пенсне заложено в боковой нагрудный карманчик. Гордый горбатый нос и внимательно прищуренные глаза.

Я знаю, Иван Алексеевич долго бродил по степи, по обрывам, любовался морем, купальщицами, пароходным дымом. Он, несомненно, заметил, что поверхность моря похожа на синюю шагрень³, а подводные камни просвечивают сквозь воду, как черепаховый гребень. Все это прекрасно, но вдруг быстрый, звенящий, поющий, ноющий, грохочущий, стеклянный, скрежещущий шум проносающегося за оградой трамвая наполняет сад. Иван Алексеевич останавливается. Зеркальный сухой блеск трамвайных стекол вспыхивает за пыльной изгородью туй, как магний, и летит по стволам через сад, пересчитывая весь его кудрявый инвентарь. И вослед ему долго ноет проволока.

Иван Алексеевич стоит и слушает. Лицо его крайне озабочено. Я знаю, о чем он думает. Он думает, на что похож этот длинный, музыкальный, такой типичный, но ни на что не похожий звук потревоженной трамвайной проволоки. На хроматическую гамму⁴? Может быть. На виолончель? Возможно.

А впрочем, бог его знает!..

Зной сияет над садом.

¹Кнебель Иосиф Николаевич (1854–1926) – российский издатель и книгопродавец.

²Под именем этого персонажа автор рисует портрет писателя Ивана Алексеевича Бунина.

³Мягкая шероховатая кожа с характерным рисунком, выделанная из козых, бараньих и других шкур.

⁴Восходящее или нисходящее последовательное движение звуков по полутонам.

2) Поэтический текст

Арсений Тарковский

БАЛЕТ

Пиликает скрипка, гудит барабан,
И флейта свистит по-эльзасски,
На сцену въезжает картонный рыдван¹
С раскрашенной куклой из сказки.

Оттуда ее вынимает партнер,
Под ляжку подставив ей руку,
И тащит силком на гостиничный двор
К пиратам на верную муку.

Те точат кинжалы, и крутят усы,
И топают в такт каблуками,
Карманные враз вынимают часы
И дико сверкают белками, -

Мол, резать пора! Но в клубничном трико,
В своем лебедином крахмале,
Над рампою прима взлетает легко,
И что-то вибрирует в зале.

Сценической чуши магический ток
Находит, как свист соловьиный,
И пробует волю твою на зубок
Холодный расчет балерины.

И весь этот пот, этот грим, этот клей,
Смущавшие вкус твой и чувства,
Уже завладели душою твоей.
Так что же такое искусство?

Наверное, будет угадана связь
Меж сценой и Дантовым адом,
Иначе откуда бы площадь взялась

¹Рыдван – большая дорожная карета.

Задание № 2

(максимальное количество баллов – 30)

Представьте, что вы – редактор нового издания Пушкинской энциклопедии, адресованной школьникам и студентам. По вашему заказу один из стажеров редакции написал для энциклопедии статью о стихотворении «К Чаадаеву».

При написании статьи стажер допустил ошибки. Ваша задача – отредактировать эту статью. Сначала выпишите для автора статьи все допущенные им ошибки, объясните ему, какие исправления следует сделать. Затем приведите полный (откорректированный) текст статьи, внося необходимую дополнительную информацию о произведении (например, о его творческой истории, уже имеющихся в науке и новых возможных прочтениях, интерпретациях в других видах искусства, значимых исследовательских работах и т.п.). Желательно, чтобы отредактированная статья не превышала 250 слов.

Исходный текст статьи:

Стихотворение «К Чаадаеву» обращено к лицейскому другу и однокашнику Пушкина, Петру Яковлевичу Чаадаеву, участнику восстания декабристов 1825 года. Поэтическое обращение к другу начинается с характерных для языка былин формул («Любви, надежды, тихой славы / Недолго мучил нас обман»), а завершается в стилистике возвания, открытой политической декларации («Товарищ, верь..», «...на обломках самовластья / Напишут наши имена!»). С жанровой точки зрения стихотворение является басней: оно написано 4-хстопным хореем со смежной рифмовкой, четко разделяется на катрены. Строчка «Звезда пленительного счастья» из этого стихотворения стала названием одного из самых популярных кинофильмов 1970-х гг. – о судьбе декабристов и их жён.